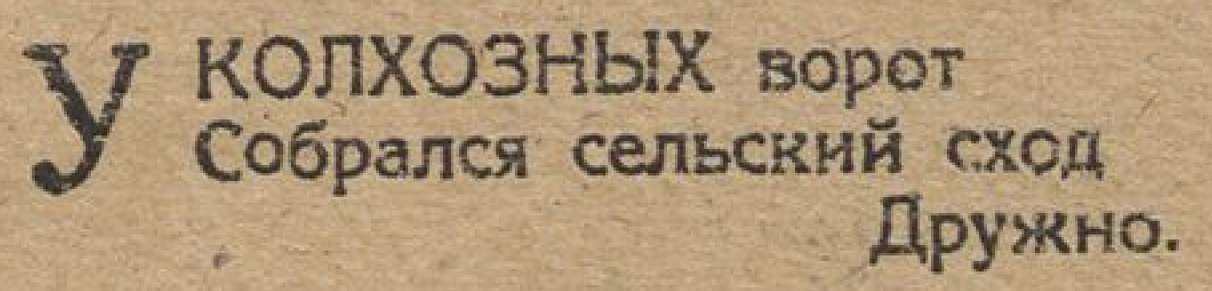

МУРЗИЛКА
N7
ИЮЛЬ
1931
Изд-во ЦК.ВКП/б/ „Правда"

ОТПОР

Рис. И. Розанова

У КОЛХОЗНЫХ ворот
Собрался сельский сход
Дружно.

Пришла пашне пора, —
Трактор брать со двора
Нужно.

А Сафронов - кулак
Молвит людям вот так:
— Братцы!

От машин земле вред!
Вам за трактор не след
Браться!

И колхоз-то весь сам
Не даст доброго вам —
Верно!

Быть без сох и плугов
Наших дедов, отцов
Скверно!

Так кулак-богатей
Сбивал с толку людей
Мерзко.

Комсомолец Егор
Ему тут дал отпор
Резко:

— Зря болтаешь слова:
Делу учит Москва —
Право!

Старый быт отошел,
Новый быт к нам пришел
Властно!

Мы, в колхозы вступив,
Возьмем прибыль от нив —
Ясно!

Уходи-ка, смутьян!
Пятилетний мы план
Правим.

С. Михайлов

МУРЗИЛКА

ИЮЛЬ 1931 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

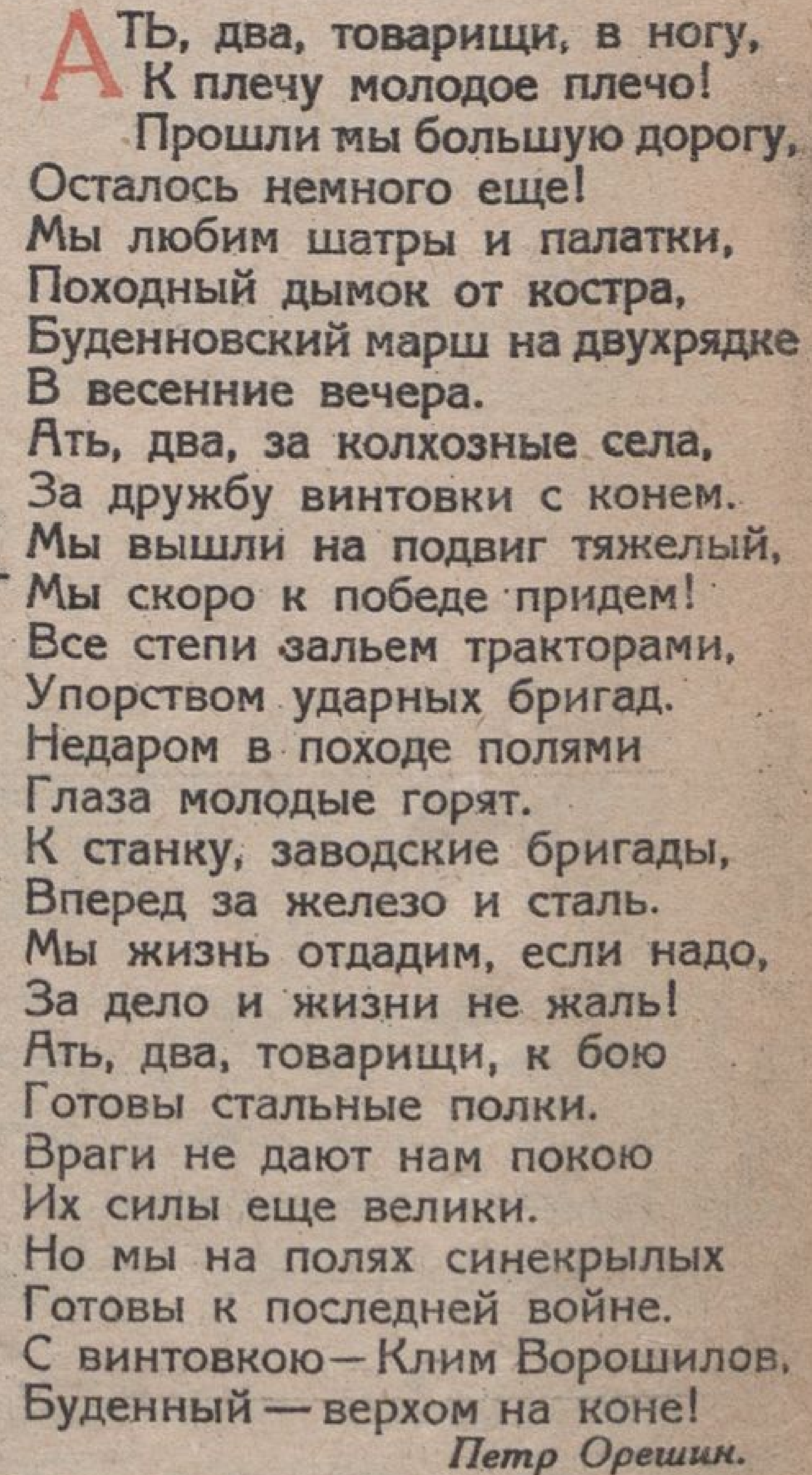
Год VIII издания

№ 7

КРАСНОАРМЕЙСКИЙ ШАГ

АТЬ, два, товарищи, в ногу,
К плечу молодое плечо!
Прошли мы большую дорогу,
Осталось немного еще!
Мы любим шатры и палатки,
Походный дымок от костра,
Буденновский марш на двухрядке
В весенние вечера.
Ать, два, за колхозные села,
За дружбу винтовки с конем.
Мы вышли на подвиг тяжелый,
Мы скоро к победе придем!
Все степи зальем тракторами,
Упорством ударных бригад.
Недаром в походе полями
Глаза молодые горят.
К станку, заводские бригады,
Вперед за железо и сталь.
Мы жизнь отдадим, если надо,
За дело и жизни не жаль!
Ать, два, товарищи, к бою
Готовы стальные полки.
Враги не дают нам покою
Их силы еще велики.
Но мы на полях синекрылых
Готовы к последней войне.
С винтовкою — Клим Ворошилов,
Буденный — верхом на коне!

Петр Орешин.

Рис. В. Щеглова

Краснофлотец Кирюшкин

Рис. Д. Шмаринова

Комсомольца Сеньку Кирюшкина мобилизовали во флот. Сборы были недолгие: положил Сенька в вещевой мешок кое-какие пожитки и простился с родным колхозом.

Провожать Сеньку на станцию пошла вся комсомольская ячейка — под гармонику, с веселыми песнями.

— Ну, Сеня, не подкачай! — улыбаясь, сказал на прощанье секретарь Колосков.

— Еще бы! — весело ответил Сенька. — Вернусь, не узнаете, бравым краснофлотцем.

Поезд дал отправительный, и мимо Сеньки поплыли родные поля, убегая к северу.

Целых два дня и две ночи мчался поезд на юг, а на третьи сутки между гор и стройных зеленых кипарисов зацвело бирюзовым цветом море. Кинулся Сенька к окну, прилип жадными глазами к невиданной картине.

— Севастополь! — крикнул кондуктор, проходя по вагону.

На голубых волнах, словно огромные серые лебеди, тихо качались пароходы. Столько их было —

не счесть. Широкую гладь залива бороздили белокрылые ялики, шлюпки, черные, неистово дымящие катера. Воздух тудел от гудков и тяжелого лязга цепей.

С вокзала Кирюшкин отправился в морской штаб. Там ему дали бумажку с назначением на корабль.

„Линкор „Клим Ворошилов“,— прочитал Сенька.

В бухте стояло много судов, и Сенька не сразу нашел свой корабль. Это был огромный, высотой с трехэтажный дом пароход, с тремя широкими трубами. Серые массивные башни возвышались на его борту и оттуда, как растопыренные пальцы, выглядывали тяжелые и длинные орудия.

Кирюшкин явился к командиру и получил назначение в 3-ю роту.

— Годок, новичок пришел, братва!..— встретили Сеньку в кубрике матросы веселыми криками.

— Здорово! Откуда?

— Центрально-черноземный,— ответил Сенька. — Ну, как у вас тут житье?

— Машина — первый сорт!

— Эх, браток, пришел бы ты эдак годиков пятнадцать назад — другое бы увидел, — вздохнул бородатый матрос — ротный старшина. — В царском флоте шкуру с нашего брата драли, а сейчас что, не служба — одно удовольствие. Трудовому народу сознательно служим.

Жизнь на корабле текла четко и размеренно, как хороший механизм. Занятия чередовались с отдыхом, а вечером, свободные от нарядов, отпускались на берег погулять или шли в красный уголок в кают-компанию, где часто устраивались кино и лекции. В 10 вечера весь корабль засыпал, и в тишине однообразно и мерно вызванивали склянки, оповещая смену вахт.

Однажды Кирюшкин стоял на вахте и любовался морем. В эту ночь оно было особенное — искрилось миллионами молочных огней. Сенька невольно размечтался — вспомнил родные места, поездки в ночное, светящиеся пни и мхи в лесу.

Вдруг тишину ночи разорвал тревожный отрывистый звон, и вслед за ним резко заиграла труба горниста.

Мгновенно весь корабль преобразился. Из кубрика один за другим повыскакивали матросы, из кают выбежали командиры, находу надевая резиновые маски. Кто-то, пробегая мимо Сеньки, сунул ему маску. Сенька не растерялся, быстро и ловко напялил ее на голову. В течение нескольких секунд все были на своих местах. В серых башнях загудели машины, поворачивая тяжелые орудия, захлопали затворы пушек. Корабль был готов к

бою... Но бить было некого,— врага вблизи не было. Это была только боевая тревога.

Командир обошел все посты и похвалил военморов за расторопность.

— Пусть там (он махнул рукой куда-то в беспредельный простор моря) не думают, что застигнут нас врасплох. Родина мирового пролетариата имеет надежную армию и флот, и они никогда не спят.

— Правильно, товарищ командир, — хором отозвались краснофлотцы. — Войны не хотим, но к бою всегда готовы!

Так пролетел незаметно год. Пришел Сеньке срок итти на месяц в отпуск.

Как раз в этот день к борту линкора[1]) причалил катер. Вошли на борт краснофлотцы с соседнего эсминца[2]) и отрекомендовались ударной ремонтной бригадой.

— Такие дела, товарищи линкорцы, — вызываем вас на соцсоревнование, — кто скорее отремонтирует и приведет в порядок свой корабль.

Загудели в ответ линкорцы:

[1]) Линейный корабль.
[2]) Эскадренный миноносец.

— Не ударим лицом в грязь, принимаем, братва!

В красном уголке под торжественный гул оркестра подписали договор.

На другой день Сенька развязал уже приготовленный было мешок в дорогу, снял чистую форменку, оделся, как все, в холщевое платье и приготовился к ремонту.

Весело было смотреть, как огромную серую махинищу линкора, точно трудолюбивые пчелы, облепили краснофлотцы. Мыли, красили, чистили и шлифовали заржавевшие части... За бортами, у ватерлинии, словно подводные кузнечики, безумолку трещали клепальные молотки. В две недели дружными усилиями сотен рук отремонтировали линкор так, точно он был только что спущен с дока.

На эсминце тоже работали во-всю. И все же линкорцы на день раньше окончили ремонт.

— Ну, вот теперь, дядя, и в отпуск, — хлопнул Сенька старшину по плечу

И в тот же вечер, получив увольнение, он быстро собрал вещи в мешок, а на другой день поезд мчал Сеньку на север, к родным колхозным полям.

Н. Алексеевский.

НА ПОСТУ

Рис. В. Щеглова

В 1919 году белые наступали на Ленинград. С моря их поддерживали англичане. Против слабого тогда Красного флота сражались новейшие боевые суда. В Копорском заливе встретились три британских торпедоносца с нашими эскадренными миноносцами „Азард" и „Гавриил".

Миноносцы сражались, перебрасываясь снарядами на большом расстоянии, а под водой незаметно кралась самая сильная английская подводная лодка „L-55". Командир подводной лодки хотел потопить советские миноносцы, занятые боем. Вдруг наши миноносцы резко повернули в сторону, зоркие глаза моряков заметили в воде следы от двух торпед. Надо было уклониться от удара. Выпустив торпеды, подводная лодка стала подниматься на поверхность. Рубка лодки показалась над водой, и в этот момент раздался выстрел. В пробоину, сделанную снарядом, хлынула вода, и лодка камнем пошла ко дну.

Стоящий наготове командир (артиллерист) миноносца „Азард" метким выстрелом уничтожил врага.

*

3 сентября того же 1919 года, рассказывал тов. Ефимов — рулевой подводной лодки „Пантера", мы получили приказ итти в Бьорке. В 6½ утра наша „Пантера" уже выходила из гавани Кронштадта. Утро было чудесное на воде—ни морщинки ни зыби.

— Приготовься к погружению! — раздается команда...

Закрываются люки, убираются трапы. Сделав крепкий последний глоток осеннего воздуха, мы спускаемся вниз. Всех нас — сорок. Командир у себя в боевой рубке. Вся команда на месте.

— Приготовь балластные цистерны к заполнению.

— Есть приготовь балластные цистерны!

— Принять в уравнительную.

— Есть принять в уравнительную! — словно эхо, доносится издали.

— Рули на погружение держать двадцать футов глубины.

— Есть рули на погружение...

— Электромотор, вперед! Восемьсот ампер на вал!

Лодка идет ко дну и временами касается грунта. Тихо кругом. Напряженно. Слышится обычная работа винтов где-то в корме. Сквозь иллюминаторы боевой рубки виден зеленый, бутылочный цвет воды. Штурман зорко следит за движениями лодки, то и дело сверяясь с картой. Уже шесть часов, как мы под водой.

Звонок. Тревога. Все на места. Из Биорке в Копорский залив идет неприятельский миноносец. Он нам виден. А мы пока что не замечены им. Атаковать еще очень светло. Подождем пока что. Сердце бьется тревожно. С сожалением отрываемся от миноносца и идем своим курсом.

Уже 9 часов. Мы у Биорке. Перед нами два их миноносца. Один из них — старый знакомый. Это тот самый, что ходил на разведку в Копорский залив. Теперь он стоит рядком с каким-то другим, и теперь-то уж мы его не упустим! Идем прямо на них. Сокращаем дистанцию метров до 600. Затем резкий звонок — боевая тревога. Ходуном ходит грудь. Мало воздуха.

— Носовые минные аппараты, товсь!

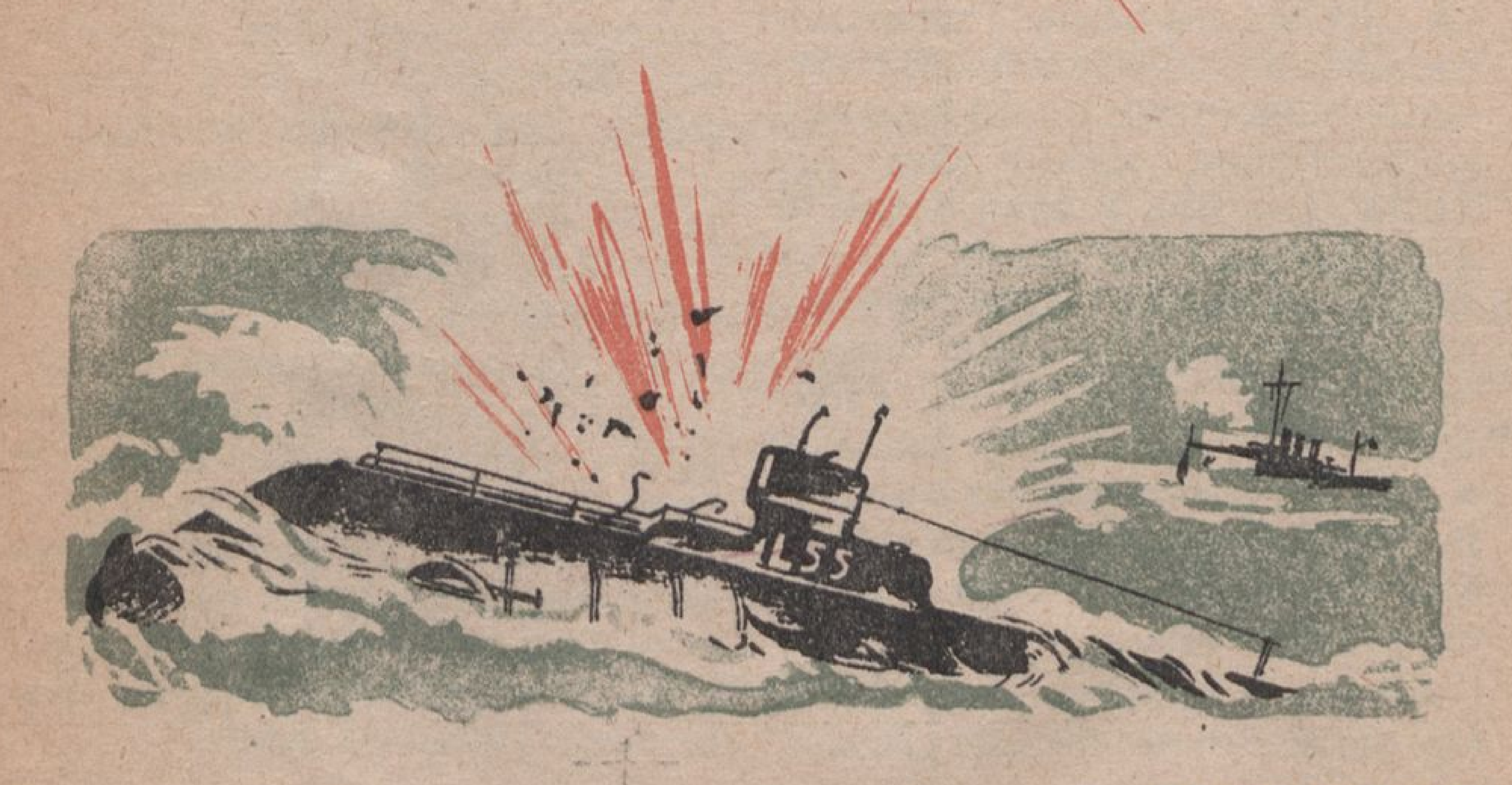
— Носовые минные аппараты — на товсь, — отвечают оттуда.

— Правый аппарат, пли!

Даже волосы дрогнули на голове. Как свинья, ползет мина из аппарата, сотрясая весь кузов. Наконец, словно пробка из горла бутылки, вырывается с дьявольским визгом, и тяжелый толчок валит с ног. Полминуты еще не прошло, а уже для нас ясно, что — мимо.

— Левый, пли! — гремит голос.

Снова визг, снова крепкий удар, и вся лодка подкинута

Двенадцать часов ночи. Командир достает альбом. Там помечены суда всего мира. Он находит квадрат с фотографией миноносца под литерой Н, берет ножницы и молча вырезает. Мы все понимаем, что это значит. Это он освобождает альбом от „покойника“.

Гиль.

Народный комиссар по военно-морским делам Климентий Ефремович Ворошилов.

кверху. Даже рубка наружу. До поверхности всего футов десять. Рев и вой где-то рядом. Что-то рвется вверху.

— В нос, команда! — кричит командир.

— Что такое? Неужели несчастье?

Но сквозь весь этот грохот и вой, через всю суету и минутную оторопь всем нам ясно одно. И в этот раз угодили как следует. Под обстрелом, забыв опустить перископ, выполняем команду.

— Принять 4.800 кило балласта.

И, как камень, идем на дно. И уже по самому дну на 80 футах разворачиваемся. Слышен треск камней под кузовом. Отрываемся быстро от грунта и, все время держась 80 футов, держим курс на Шепелевский маяк.

МИНА

ЧАСОВОЙ

На защитную гимнастерку
Променял он рабочую блузу,
Чтобы встать на посту и зорко
Охранять рубежи Союза.

Враг не спит. Он ведет подготовку.
Но к отпору и мы готовы:
Крепко сжата в руках винтовка
У советского часового!

А в Союзе — кипит работа.
Засучив рукава по локоть,
День и ночь, до седьмого пота,
Мы стучим на лесах высоких.

Расчищая, снося лопатой
Все, что рядом гниет и киснет,
Это строим мы — вам, ребята,
Крепкий дом обновленной жизни.

Часовой у страны — опора,
Часовой — на посту. И стойко
Охраняет от вражьей своры
Он великую нашу стройку.

Он всегда защищать готовый,
Наш посев и заводские трубы.
И страна своего часового,
Словно мать, бережет и любит!

Антон Пришелец.

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

I

ОГЛЯДЕВ, в порядке ли пасется стадо, Гриша засунул под веревочный пояс длинный кнут и отправился к опушке леса.

Кнут, точно змея, извиваясь по земле, оставлял тонкую, неровную линию. Белая с черными пятнами дворняжка Дружок бежала за кнутом.

Рис. В. Ростовцева

Гриша, не оглядываясь и не обращая никакого внимания на сердитое урчание Дружка, который никак не мог поймать конец кнута, повалился в приятную тень огромного дуба. Положив голову на бархатную освежающую траву, Гриша задумался. Но в отяжелевшей от жары и усталости голове не было никаких мыслей. Полежав немного, Гриша вытащил из торбы рогатку, камешки и начал сшибать с соседнего дуба листья. Каждое удачное попадание доставляло ему большое удовольствие. От каждого меткого попадания белокурое лицо расплывалось в улыбку. Большие глаза ярче заголубели.

Вдруг Дружок неожиданно заворчал. Гриша привстал на локти, посмотрел в сторону Дружка, но ничего не заметил. Дружок, вздыбив на спине шерсть, еще громче зарычал. Гриша оглянулся и обмер. Прямо на него двигались четыре куста. Гриша привскочил, приготовился было бежать подальше от этих страшных кустов, но один из них вдруг заговорил человеческим голосом.

— Мальчишка, — сказал один куст, — попридержи свою собаку, а сам стой на месте, не двигайся!

Гриша еще больше испугался. Он хорошо знал, что кусты не могут говорить человеческим голосом.

— Держи же, мальчик, свою собаку, — вторично проговорил куст.

Гриша схватил за шею Дружка и повалился с ним на траву.

Сколько лежал,— Гриша не помнит. Но когда поднял он голову и начал оглядываться, то увидел недалеко от себя еще несколько зеленых движущихся кустов. На этот раз Гриша не испугался. Он увидел за кустами красноармейцев, осматривавших в бинокли местность.

— Долго тебя, малец, еще надобно звать? — услышал Гриша голос одного из красноармейцев.

— Сейчас, сейчас, — воскликнул Гриша и, боязливо обойдя передвигавшиеся кусты, подошел к красноармейцам.

— Не знаешь, что за деревня та, вон за тем лесом? — спросил один красноармеец и показал рукою вдаль. Не Щукино ли?

— Да, да! — обрадовался Гриша, — это и есть Щукино, а вон там, левее, — Пастухово. Видите...

— Лесное, — перебил красноармеец Гришу. — Знаю, знаю. Ну вот, товарищ Григорьев, и ты, товарищ Васильев, сейчас пойдете. — И он, скользя пальцем по карте, над которой склонились остальные красноармейцы, начал что-то шопотом об'яснять.

Красноармейцы внимательно слушали. Потом двое из них, прикрываясь своими кустами, осторожно

стали спускаться вниз по тропинке.

Гриша увидел густую полосу колхозной ржи; она, золотясь на солнце, тяжело клонилась колосом. Вдали, желтея соломенными крышами, чернели дома, сараи. Резко выделялась церковь с трепещущим на куполе красным флагом и двумя палками радиоантенны.

Вдруг неожиданно раздался взрыв и потряс воздух. Гриша от испуга прилип к земле...

Не успел Гриша очухаться от испуга, как грохнули новых два взрыва.

Взрывы были услышаны в деревне и в поле, где работали колхозники и единоличники. Со всех сторон, сначала поодиночке, потом группами, бежали к мосту люди, размахивая руками, граблями, косами.

— Наш мост! Зачем испортили наш мост? — растерянно шумел бородатый мужик в красной рубахе.

— Граждане! Не волнуйтесь, граждане! — стараясь успокоить старика, проговорил красноармеец.

— Граждане! Ваш мост будет восстановлен. Мы вам вместо вашего гнилого моста соорудим новый, крепкий. Нам для маневров необходимо было его разрушить.

II

Вечером в деревню пришли около 200 человек красноармейцев. За плечами, кроме винтовок, были лопаты, пилы, буравы, кирки, мотыги. Все это было аккуратно вложено в кожаные мешки.

Быстро их разместили по избам.

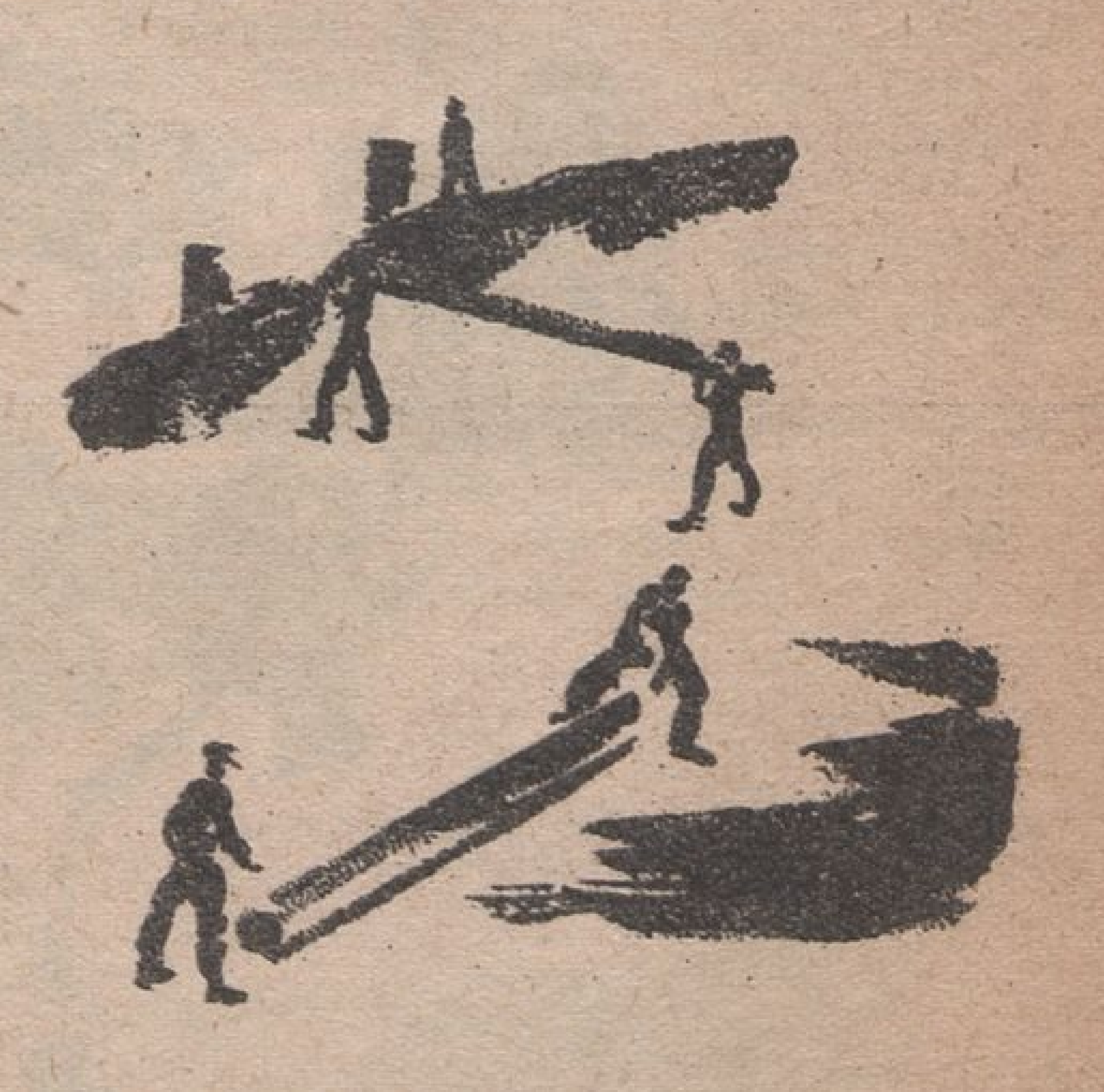
Через некоторое время к командиру пришла колхозная комсомольская ячейка.

— Товарищ командир, — сказал секретарь ячейки, — мы, комсомольцы, к вашим услугам. Располагайте нами, как вам надо.

Гриша — сигналист пионерского отряда, взобрался на пожарную, приставленную к сараю лестницу и заиграл сбор.

Со всей деревни и из соседнего колхоза к пожарному сараю спешили пионеры, набегу завязывая галстуки.

В вечерней тишине затрещали барабаны. Пионеры подошли к школе, в которой остановились командиры.

Вожатая Сима, немного волнуясь, направилась в школу. Ребята, переминаясь, ждали. Но ждать пришлось недолго. На крыльце показалась Сима, за ней рослые командиры.

— Товарищи пионеры! — сказал один из командиров, ласково улыбаясь. — Ваша вожатая нам сказала, что вы готовы помочь нам. Хорошо! Вы нам очень нравитесь. Молодцы! На защиту нашей страны будьте готовы!

— Всегда готовы!

Вожатая Сима снова скрылась с командирами в школу, а когда она вышла из школы, ребята окружили ее и засыпали вопросами.

— Ну как? Что делать будем?

— Имейте минутку терпения, — шутливо отмахивалась от наседавших ребят Сима. — Вот что, ребята, с завтрашнего утра старшие звенья обоих отрядов вместе с комсомольцами и красноармейцами пойдут на построй-

ку нового моста. Средние звенья должны засыпать ямы по дороге к Никольской. Младшие звенья должны организовать питьевые пункты для красноармейцев, которые будут проходить через нашу деревню. Работа, ребята, ударная! Вот, ребята, что нам поручили сделать, а сейчас марш по домам спать!

Ребята, обгоняя друг друга, разбежались по деревне.

На рассвете, розовом от зари, раздался сигнал. Ожила деревня. У единственного колодца образовалась очередь. Красноармейцы чистили зубы, плескались холодной водой, шутили, смеялись.

— Дядя Вася, — уцепился коропуз в голенище сапога красноармейца, — иди завтракать. Мамка говорит простынет!

Дядя Вася усадил коропуза на шею и, согнувшись вдвое, скрылся в дверях одной избы.

— Как вам, товарищ дорогой, не стыдно? — тянула за рукав одна старуха красного от смущения красноармейца, — я вам сготовила, а вы, как малое дите, отказываетесь!

— Мамаша, ты не обижайся. Ведь у нас сейчас будет готов свой завтрак, — оправдывался красноармеец.

— Нет, сынок, ты уж откушай с нами, а свое прибереги. У меня вот свой сынок в армии. Красавец, вроде тебя...

III

К вечеру мост был готов.

Широкий, крепкий, с поручнями мост был перекинут с одного берега на другой.

— Вот это мост! — разглаживая сухую рыжую бороду, похвалил один крестьянин. — Да разве его сравнишь с прежним? — добавил он, разглядывая мост.

— Помнишь, Гаврилыч, как ты провалился на мосту?

— Помню, дедушка Григорий, помню, — сверкая белизной зубов, ответил Петр Гаврилович, — как не помнить.

Около моста, со стороны Щукина, собралась громадная толпа. Некоторые приезжие щупали бревна, старались отрывать тес, поручни, топали ногами, думая его пошатнуть или продырявить, но мост никому не поддавался.

Командир, стоя на тракторе, произнес речь. Говорил он складно и просто. Рассказывал о Красной армии, о советской власти, о колхозах.

Все слушали его со вниманием.

— А теперь, товарищи колхозники и крестьяне, — закончил он, — первыми по мосту проедут пионеры и остальные дети. Мост новый. Мы строим новую жизнь. Дети новую жизнь, начатую нами, будут достраивать, так пусть же они и проедут первыми. Давай! — крикнул он трактористу.

Трактор затарахтел, поднатужился и, таща пять наполненных детьми подвод поехал по мосту.

Оркестр заиграл „Интернационал".

Когда трактор проехал мост, грянуло громкое „Ур-р-а! Да здравствует наша Красная армия!"

В. Зинде.

БАКЕН

Рис. Г. Берендгофа

Последними из клуба вышли Вася и Володя. Им очень не хотелось уходить, — весело было. Приятный вечерний ветерок обдавал и шевелил их рубашки и волосы. Весь лес был пропитан запахом хвои. Было тихо; только где-то вдали глухо грохотал гром и быстро, прорезая черные тучи, ослепительно сверкала молния.

— Наверно, дождь будет, пойдем побыстрее, — сказал Вася. Мальчики ускорили шаги. Над головами шумели сосны, качаясь от все более крепчавшего ветра. Наконец, сквозь стволы деревьев тускло мигнул одинокий огонек бакена.

— Вот и Волга! — обрадованно вскрикнул Володя. Теперь уж недалеко.

Через пять минут они вышли из леса. Резкий, холодный ветер хлестнул по лицу. Где-то слева колыхалась грузно в берегах Волга, вспыхивая киседыми гребнями волн.

Вдали, мелькая множеством огоньков, тревожно свистел пароход.

— Туго ему придется, — сказал Володя — Э-э-э, да он, кажется, с баржей Так и есть...

— Володька! — возвышая голос, воскликнул Вася, — где бакен-то? Где?

Володя взглянул на реку: там, где недавно светил фонарь на бакене, — ничего не было,

— Потух, — прошептал Володя.

— Выкинет и баржу и пароход на гряду, потонут...

— Спичка у тебя есть? — решительно спросил Володя.

— Есть, я в клубе лампы зажигал.

— Ну, так бежим скорее!

И пионеры побежали под гору, на берег, сшибая до крови босые ноги о кочки, которые в темноте не были видны.

На берегу много было лодок, но ни в одной из них не было весел. Только в одном ботничке были весла, но он был привязан цепью к коряге и заперт замком. Вася схватил доску, валявшуюся рядом и стал бить по замку. Несколько минут было потеряно на замок, чтоб освободить ботничек.

С трудом лодка с мальчиками отошла от берега.

— Вася, где приблизительно бакен? Куда держать? — спросил Володя, усевшись на корму.

— Давай так, — указал рукой Вася и стал изо всей силы грести. Володя, сощурив глаза, смутно увидел силуэт руки, указавшей направление. Он сразмаху воткнул кормовик в черную, кипящую муть воды и с твердостью опытного волгаря повел лодку. Ветер свистел в ушах, сметал с громадных волн серую пену и с зловещим шуршанием подкидывал ботник.

Совсем близко, около километра, отчаянно свистя и хлопая плицами колес, боролся с ветром пороход.

— Смотри! — закричал Вася. — Он идет прямо на гряду! Бакена не видит. Разобьется сам и баржа тоже.

Володя не ответил; искоса взглянув на мелькавшие огни парохода, он снова стал всматриваться.

— Вон что-то чернеет, — сказал он и круто повернул ботник к привле-

кавшему его внимание предмету. Ботник подкинуло на волне, ударило о железную крышку бакена.

— Держись! — закричал Володя.

Вася бросил весла и схватился за крестовину.

— Давай, скорее зажигай! — торопил его Володя, — пароход уже совсем близко.

Вася лихорадочно чиркал спички, но от сильного ветра они гасли.

— На зажигается, — сказал он.

— Да ты открой стекло фонаря и там зажигай.

Вася так и сделал. С третьей спички удалось зажечь фитиль лампы. и Вася радостно захлопнул красное стекло фонаря. Пароход, заметив бакен, резко свернул.

Ветер перешел в настоящий ураган. Ботник швыряло с волны на волну.

— Путца*) лопнула! — закричал Вася.

— Счаливай скор...

Володя не договорил. Сильным порывом ветра ботник наклонило, и он, врезавшись боком в волну, моментально перевернулся.

Ужасный крик несчастных потонул в реве урагана.

*) Путца — веревка, привязывающая весло к деревянной уключине.

Володя вынырнул и схватился окоченевшими руками за лодку.

— Вася! Где мы?

— Помоги! — долетел до него ответ.

Володя снова опустился в кипящую воду. Впереди него мелькала в пене черная голова Васи, растерявшегося, отчаянно махавшего руками. Володя схватил его за рубашку в тот момент, когда Вася, захлебнувшись, скрылся под водой.

Холодная вода сковывала ноги и руки Володи, плывшего с бесчувственным Васей.

— „Нет, не доплыть“, — подумал он.

Вдруг он почувствовал, что его одеревеневшие ноги вступили на что-то твердое.

„Неужели берег?“ — радостно мелькнуло у него в голове.

Да, это был берег, к которому приплыл, Володя, вернее, его прибило волнами.

Он вышел из воды и, положив Васю на сухое место, взглянул на реку.

Пароход был уже далеко, и мелькавшие в ревущей мгле его огни как бы благодарили мальчиков.

Вася очнулся. Володя взял его под руки, и они тихо пошли в деревню.

Деткор Сергей Пасхин (14 лет).

Тогда и потом

Рис. К. Зотова

Ты выйдешь на горку, и море вдали
Сверкнет голубой чешуею,
А в море и с моря бегут корабли,
Играя с прохладной волною.
Завидно их видеть с недвижной земли,
Покорной июньскому зною.
Плывут, уплывают. Кто — уголь везет,
А кто — пассажиров на отдых.
Вон маленький парусный прыгает бот,
Не думая о пароходах.
Глядика-ка! Военный вдруг дзинулся флот —
Хозяин над всеми на водах.
Стальные громады ползут, как гора,
Флажками сигналя друг дружке.
Идут броненосцы, бегут крейсера,
Летят канонерки-игрушки.
Да! С ними нешуточной будет игра,
Коль ядрами грянут их пушки!
Советского моря широкий простор
Они охраняют от вора,
И с них неусыпно глядит военмор —
Советских прибрежий опора, —
Чтоб кинуть врагу смертоносный отпор
Из панцырных башен линкора!
Коль мира ты хочешь, — готовься к войне!
Не мало врагов у Союза!
И вот — броненосцы скользят по волне
С запасом военного груза, —
Чтоб фабрики строить вдвойне и втройне
Сумела рабочая блуза!
Когда ж разгромлен будет классовый враг
И красный над миром подымется флаг,
Как солнце, из яростных схваток, —
Тогда броненосцы — средь ласковых влаг —
Катать будут малых ребяток!

Георгий Шенгели.

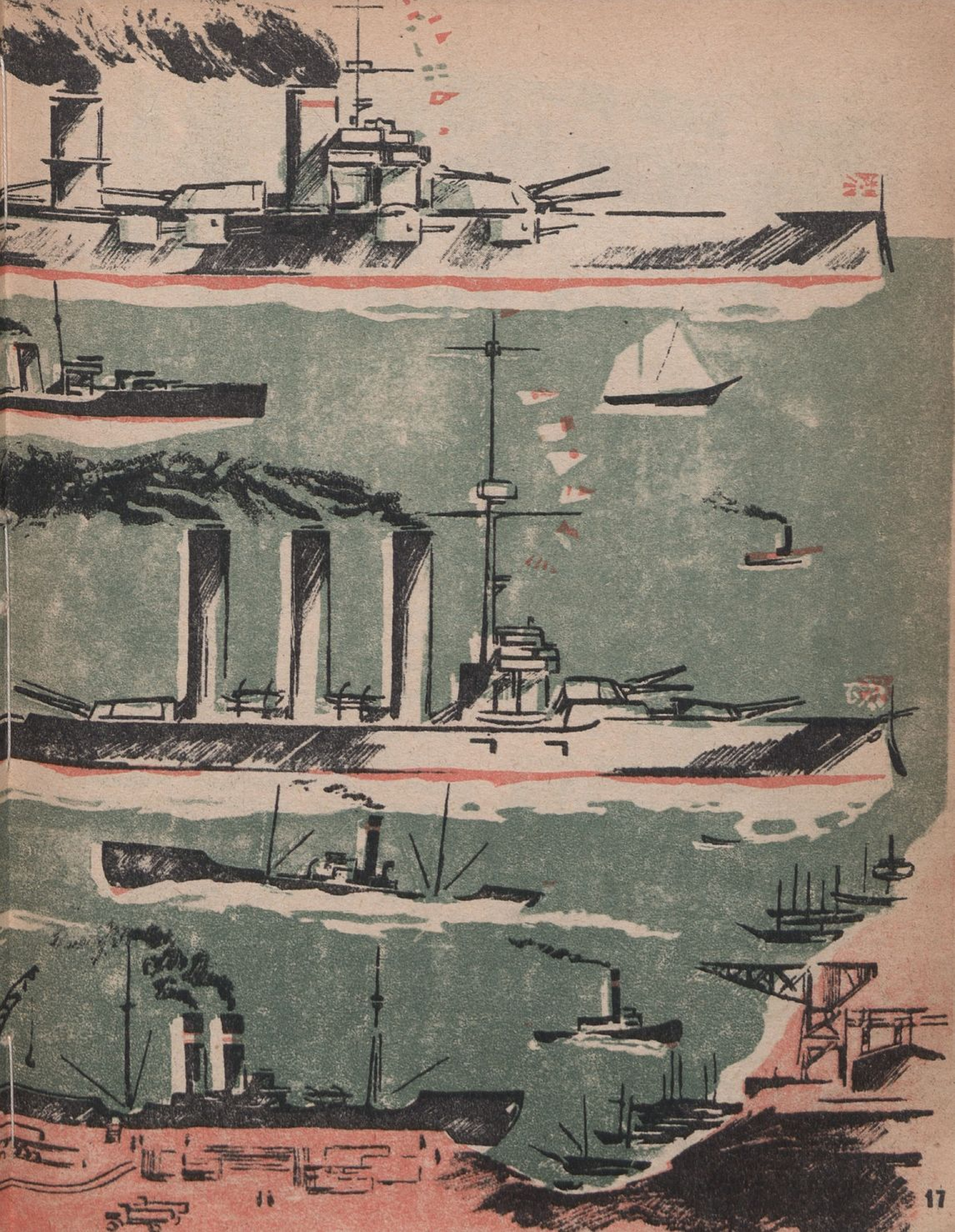

Рис. Д. Шмаринова

I

ПРОШЕЛ на фабрике слух, что будто за 70 километров поставили станцию, работает она водой, и гонит та станция электричество по проводам. Идет от станции сила во все стороны, и можно фабрикам обходиться без паровой силы.

— Чай, все врут, — говорит недоверчиво Феногеныч. — Паровая — и та шалит, старая: то двигатель стар, то в проводах непорядок. А тут за столько километров! Значит, без тяги сидеть будем, мудрят все.

— Новую прядильню будут строить, говорят оживленно рабочие. — И будет та фабрика по науке, как за границей. Вот какая фабрика будет: стены стеклянные, свет, воздух, — не фабрика, а вроде как бы дворец.

— Ладно, мели, Емеля! — ворчит Финогеныч. — Где нам! Штанов не можем удержать последних, — сваливаются, а тут — „фабрики по науке". Поверю я вам...

Веришь, не веришь, а и в самом деле повезли кирпич, железо, стекло. Грохот пошел около старой прядильной, разных рабочих и мастеровых наехало. И над ровными полями поднялись огромные столбы, а по ним неведомо куда потянулась блестящая медная проволока. Прошел год, и к 1927, на ленинские дни, сбросила новая фабрика, светлая, блестящая на солнце, свои леса.

Глянешь на нее — и ахнешь: вот так сляпали махину! Даже Финогеныч и то нет-нет да и скажет:

— Ну, скажи на милость, прокураты, какие!

А что такое прокураты — и сам Финогеныч не знает.

Только уж очень не верит Финогеныч в новое. Похвалит, похвалит, а в углу опять ворчит:

— Построить такую не веща, а вот пустить в ход — хитрое дело. Механика не для наших мозгов. Убытки тут большие будут.

II

Пришел день. В этот день с'ехались гости и из Москвы и из других мест.

Зимний день был белый, как борода Феногеныча.

Сначала прошли в старую паровую по крутой узкой лесенке. Через паровую проникли вдруг в огромный сквозной фонарь. И что ни зала, глядят, — то от простора гул и свет льет через стеклянные стены. Повеселели рабочие. И даже Финогеныч сурово сказал:

— Ишь, дело какое! На таком свету только и работать. Эко прядильщикам привалило!

Обошли гости с рабочими все этажи. Вот полуподвал, — здесь будет хлопок храниться, а сюда, выше, выше, на самом верху, — тут тысячи веретен, тысячи станков будут.

— На сколько веретен-то фабрика?

— Двадцать тысяч пока, — говорит инженер.

Так и ходили толпой по новому зданию, изучали, на все смотрели.

И вдруг заиграла музыка.

Повалили под марш в средний зал, — здесь будет открытие. Идут прядильщики и ткачи, идут, друг друга подталкивают, идут ткачихи, столяры, слесаря, кочегары, рабочие всех цехов, всех сортов, а вот и крестьяне из окрестных деревень.

— Прямо тебе людская лавина! — говорит Феногеныч. — Народу-то, народу сколько потекло, а в зале, гляди, места пустого больше того.

— Что же ты не ворчишь, Финогеныч? — смеются рабочие.

— Да некогда, — отвечает старик, — подожди, дай все рассмотрю.

III

Сели. На помосте, за красным столом — фабком, разные делегаты, гости, инженеры, директора. Встал рабочий Емельян Сычев.

— Товарищи! — сказал он. — Мы открываем фабрику имени Михаила Ивановича Лакина, убитого черной сотней в тысяча девятьсот пятом году. Почтим его память.

Заиграла музыка. Все встали и запели похоронный марш.

Стоит Финогеныч, как в тумане, и не замечает, что слезы текут у него по лицу.

— Миша... Миша... — шепчет он растерянно. — Эх, Миша...

А сам все вспомнил:

Вот густая толпа; идут, идут, будто на приступ; серый осенний день, а знамя рдеет, как огонь.

И идет рядом с Финогенычем, крупно идет горячий, молодой Лакин. Не парень — орел.

— Эх, Миша!

А Финогеныч? И он тогда молодой и горячий был. Вровень с Михаилом идут, плечо в плечо И вспомнил старик свою дерзкую, молодую речь на митинге, и послышался будто у него в ушах дикий свист и рев черной сотни... И казаки и тюрьма — все сразу прошло в памяти у старика.

— Эй, садись, Финогеныч, садись, — говорят ему тихо сзади.

Сел. А Сычев продолжает:

— И вот, товарищи, мы открываем эту фабрику, построенную рабочим государством. Мы строили ее только один год, но она будет лучше тех старых, которые строились годами.

Товарищи! Нашим радостным трудом в этих стенах мы будем крепить память того Миши, который положил свою молодую жизнь за наше рабочее дело. Товарищи! Вот среди нас друг Михаила Лакина, старый ткач Финогеныч, так пускай он расскажет нам все, что помнит о Михаиле.

— Пусть! Пусть! Просим! — закричали кругом и захлопали.

И будто земля потекла из-под ног Финогеныча, встал, оглянулся, поклонился, сел, опять встал. А сзади подталкивают на трибуну.

И когда вышел на помост и глянул вперед и увидел, что все лица, и свои и чужие, глядят ему в глаза и ждут от него, старика, хороших слов, совсем растерялся Финогеныч.

— Братцы, — тихо сказал он. — Братцы-товарищи!

— Говори, говори! — кричали кругом. — Говори, Финогеныч!

— Товарищи... — опять повторил Финогеныч.

И вдруг слезы закапали из его глаз.

— Ничего не могу я, — прошептал он, — с собой не совладаю, старик я... Миша... не дожил...

— Ура! Ура! — кричали, стоя и хлопая, рабочие, и будто в первый раз все разглядели этого старого, надломленного жизнью ткача.

— Не робей, Финогеныч! Заживем! Новую жизнь строим!

Музыка заиграла „Интернационал“.

А. Насимович.

МЫ ЛЕТЧИКИ

Рис. М. Михаэлис

Там, где стояли мохнатые ели,
Сделали Ване и Вале качели, —
Вот, раскатались:
— Эй, сторонись!
Летим вверх,
Летим вниз.
Небо над ними — шатер голубой;
Вот прибежали подруги гурьбой,
Мигом уселись
И понеслись
Вверх, вниз,
Вверх, вниз.

Ваня кричит, выпрямив стан:
— Это у нас аэроплан.
Встань. За веревки крепче возьмись!
Вверх, вниз,
Вверх, вниз.
Вырастем, станем взрослые люди, —
Сильные, смелые летчики будем.
Эх, самолет,
Плавно несись
Вверх, вниз,
Вверх, вниз.
—Тронуть Союз наш, буржуи, не смейте!
Крикнули хором летчики-дети:
— Славно несемся!
Эй, сторонись!
Летим вверх,
Летим вниз.

В. Глушков.

Рис. М. Ивашинцевой

В БЫКОВЕ была лесная дача. В ней жили пятьдесят ребят, тетя Люда, доктор Василий Иванович, две технички.

Всем ребятам было от 6 до 10 лет. В общем, жилось недурно. Кормили хорошо; загорали, купались, занимались физкультурой, играли в разные игры, но скоро им все это надоело. Заскучала ребятня.

Какие-то унылые стали, вялые, друг другу опротивели. А тут еще тетя Люда заболела да так серьезно, что пришлось ее отправить в город, в больницу. Остались ребята совсем одни. Доктор только осматривается да посмеивается в бородку, а чему — неизвестно. Это у него привычка такая. Вот однажды он собрал ребят и ухмыляется.

— У меня для вас что-то есть.

— Чего?

— А что мне за то дадите?

Ирочка и говорит:

— Хорошее — спасибо, плохое — ничего не скажем.

Василий Иванович шутит. А ребят любопытство разобрало.

— Скажите, Василий Иванович, скажите!

И он сказал:

— Ребята, я вижу, скучно вам живется.

— Правильно! — загалдели все.

— Вы не перебивайте. Ну вот, хочется вам работы какой-нибудь, новенького чего-нибудь, занятного, а его нет.

— А огород и живой уголок? — спросила Нюся.

— На огороде вы ничего не делаете, весь он зарос травой, а за уголком смотрит техничка.

Стыдно стало ребятам.

— Ну вот, коротко говоря, — ничего этого не будет. К нам приедут пионеры.

Такому сообщению все обрадовались, оживились. Куда только лень да скука девались. На дверях терассы буквами из мха выложили:

„Добро пожаловать“, — а балкон украсили ветками: „Будь готов!“

На станцию все шли с песнями встречать дорогих товарищей, а когда из поезда повылазали пионеры, шум поднялся невыносимый. Угостили приезжих у себя, как гостей, наславу. Провожали их в другую дачу с песнями, с „урой“. Утром пионеры выспались, бодрые, побежали к малышам и вместе провели зарядку. Плохо делали физкультуру маленькие ребята: дергали друг друга, выходили из строя, кувыркались. Увидели большие ребята, что дисциплины никакой. Стали их учить, как голову и корпус держать, как стоять, дышать. Потрудились, побились с полчаса, но выучили. После Митя, вожатый, спросил малышей:

— Какую работу вы провели на поле, в огороде?

— У себя в огороде ковыряемся, а поля и не видали, — отозвался Василий Иванович. — Так вот, ребятня, сегодня мы все вместе поработаем на огороде, а завтра пойдем в село Быково помогать крестьянам убирать сено.

— Хорошо, вот это дело! — восхитился Боря.

Весело и заполненно полетели дни трудовые. Каждый день — какая-нибудь работа, вместе с пионерами и отдельно. Уже не жаловались, что делать нечего, не роптали на дни, похожие друг на друга, а удивлялись, что время бежит слишком быстро.

Наступила страда. Организованно пионеры и некоторые октябрята пошли на поле помогать единоличникам. Пионеры — помогать жать, дергать лен; октябрята — ворошить сено, укладывать снопы, очищать лен. Потрудились не мало, индо пот прошиб, но им говорили такое теплое „спасибо", так крепко жали руки, что усталость как-то проходила. А Ирочка, которая тоже ворошила сено, вернее кувыркалась в нем, сказала:

— Лучшее спасибо, если вы вступите в колхоз.

Даже удивились все. — Какая смекалиста, — шутили добродушно мужики.

Приехала тетя Люда, уже выздоровевшая.

— Ну, как, ребята? Небось, скучали без меня, все забросили, забыли игры, песни, огород, наверно, зарос, а в живом уголке ни одного зверька нет. Правда?

За всех ответил Гермашка:

— Нет, неправда. Нисколько не скучали. Мы с пионерами здорово поработали.

— И огород наш образцовый. Огурцы и морковь лучше пионерских выросли, — добавил Боря.

— А еще в живой уголок ежа и ужа поймали, — сказала Нюся.

— Единоличники обещались войти в колхоз, и вообще мы без вас, тетя Люда, не скучали, только не обижайтесь, — закончила Ирочка.

Но время шло, и пионеры стали укладываться, так как и срок вышел и в школу надо. Мальчики остались еще на две недели. На прощание вожатый сказал:

— Мы весело и деловито провели лето, мы многому научились и, конечно, хорошо поздоровели. Это мы накопили для города, для учения, для общественной работы. Давайте-ка закончим так же, как и начали. Все неорганизованные, айда в октябрята!

— Всегда готов! — крикнули неорганизованные. — Хоть сейчас записывай!

— Вас запишут еще. В городе будьте такими же активными, как и сейчас.

— Будь готов!

— Всегда готов!

Деткор *Люся Берхина.*

Стройно, по росту в ряд
Строится пионеротряд.
Вожатый кричит: „Не шуметь,
Нужно держать себя уметь,
Все разговоры прекратить,
Тише, будет, не бузить,
Направо. Подровняться.
И не баловаться“
Через минуту смирно в строю,
Перед собою прямо смотрю.
Вожатый садится за стол,
Секретарь ведет протокол:
На повестке дня —
Поездка в лагеря.
О, это прекрасно,
Принято единогласно.

Миша предлагает под Ростов,
Изя кричит под Ардатов,
Сарра пищит под Свердловск,
Володя басит под Сновск,
Толя предлагает под Козлов,
Лена говорит: „Тамбов“,
Шура кричит: „Крым“,
Сема пошутил: „ В Нарым“.
„А ты, Сема, не остри,
Глупостей лишних не говори“, —
Прикрикнул на него товарищ
Воля Дарищ.
„Ребята, Шура угодил, —
Улыбнувшись, вожатый сказал. —
Мы едем не в Нарым,
А в Крым.
В Нарыме место не нам,
В Нарыме место врагам,
Бандитам да вредителям.
А мы не вредители,
А мы — страны строители!

Деткор *М. Е.*

Рис. З. Полуэктовой

КУКУШКА

Многие ребята, которые бывали весной, в мае, в лесу, слышали, вероятно, кукушку, ее странный, не похожий на других птиц, крик: „ку-ку! ку-ку!" Да и по фигуре своей кукушка не похожа на обычных птиц: она напоминает хищных птиц — ястребов, и поэтому другие мелкие птицы боятся ее. А кукушке только этого и надо. Как только какая-либо птичка увидит кукушку, испугается, слетит с гнезда, кукушка сейчас же подлетит к гнезду этой птички и положит туда свое яйцо. Яйцо кукушки небольшое, похожее на яйца мелких птиц. Больше одного яйца кукушка не кладет. Вернется птичка к гнезду, не заметит лишнего яйца, что кукушка подложила, и станет продолжать высиживать яйца. Вот через несколько дней птенцы начинают выводиться из яиц, а среди них и кукушонок. Кукушонок быстро растет, быстрее других птенцов, ест тоже больше других; становится ему тесно в гнезде — и вот он подбирается под птенцов и выталкивает их из гнезда. Очень прожорливый, он не дает покоя воспитывающим его птицам, все время требуя пищи. Наконец, он перерастает какую-нибудь кормящую его зорянку или малиновку, едва помещается в гнезде и продолжает все требовать есть, пока не оперится и не улетит.

Многие люди считают кукушек вредными птицами, потому что они подкладывают свои яйца в гнезда других птиц, не делают сами гнезд, а их птенцы выталкивают из гнезд птенцов других птиц и этим уничтожают полезных птиц. Но оказывается, что кукушки очень полезные птицы, так как питаются главным образом вредными, волосатыми гусеницами бабочек, которые приносят большой вред лесам и садам. Иногда этих гусениц появляется такое огромное количество, что леса и сады бывают совершенно без листьев, как осенью. Тогда туда налетают кукушки и начинают уничтожать гусениц. Кроме кукушек, другие птицы не едят их вредных гусениц, так как большинство гусениц покрыто ядовитыми волосками. Кукушки же поедают такое огромное количество их, что их желудок бывает изнутри весь утыкан волосками гусениц и напоминает как-бы плюшевый мешок или щетку. Кроме того, кукушата, пока выкармливаются, поедают большое количество разных насекомых: комаров, мух, жучков и др., принося этим тоже пользу людям.

Итак, ребята, охраняйте кукушек! Не давайте другим истреблять кукушек — друзей и сторожей наших лесов и садов!

С. Хомченко.

Рис. З. Полуэктовой.

ДРУЗЬЯ

Рис. К. Зотова

Сеня Голубев, Фред Гарди и Джони Перкинс — трое ребят из одного и того же отряда — быстро шагали по приморскому бульвару в клуб на вечер воспоминаний.

С бульвара видна была морская бухта. У пристаней стояли громадные иностранные пароходы.

На палубах суетились крошечные человечки — матросы. Вот бы их встретить здесь, на бульваре, вдали от ихнего начальства, расспросить, как им приходится работать, как они живут!

С одного из пароходов сгружали машины. На другой — грузили наши товары. С парохода спускался крюк с железной сеткой — сумкой. В эту сумку накладывали тюки с товарами. Крюк поднимал их вверх, поворачивался и осторожно опускал в открытый пароходный подвал — люк.

В клубе, куда пришли ребята, старые моряки рассказали им, как много лет назад в эту бухту вошел иностранный военный флот, и на берег высадились иностранные солдаты с пулеметами, пушками и аэропланами.

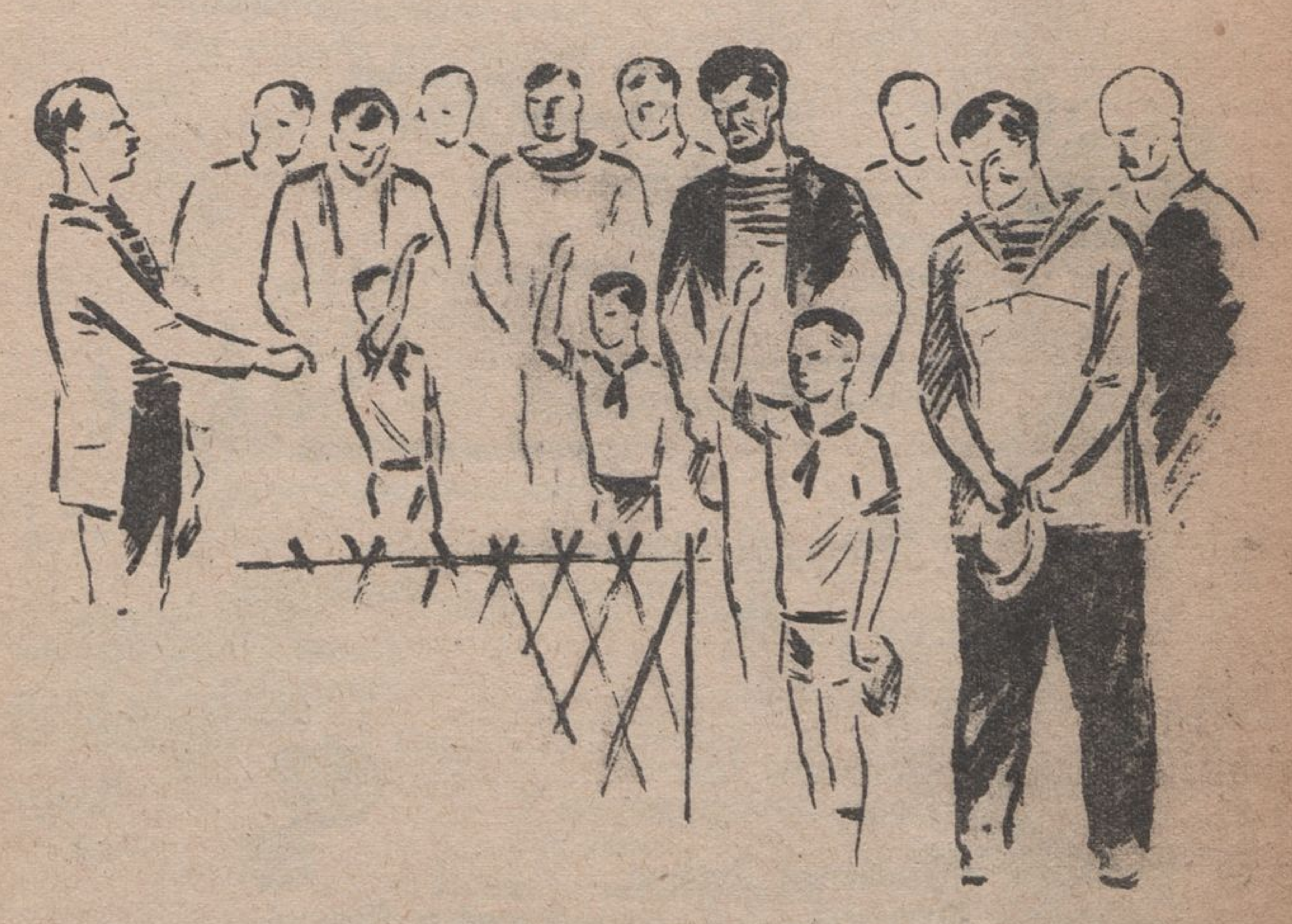
— Трудно было нам защищать город, — рассказывал один из моряков. — Хоть и много нас было и сражались мы смело и дружно, но мало у нас было орудий и всяких припасов. Помогли нам тогда иностранные моряки и солдаты. Много их перешло на нашу сторону. Они не хотели воевать с нами. Они понимали, что враг у нас с ними — общий: капиталисты и их наемники.

Помню двоих товарищей иностранцев. Один был англичанин, и звали его Перкинс, а другой был француз — Мартин Гарди. Славные были ребята, веселые. Выучили всего только одно наше слово: „ничего!“ Бывало, как ни жарко нам приходилось, крикнут — „ничего!“ — и держимся до тех пор, пока не пришлют подкрепления. Здесь, на бульваре, где мы с ними вырыли окопы, оба они и погибли. Говорят, что их жены с детьми перебрались со своей родины к нам. Пусть их ребята растут и учатся вместе с нашими и станут такими же стойкими борцами за рабочее дело, как и их отцы!

— Станем! — крикнул вдруг Джони на

весь зал, и вслед за ним то же самое крикнул и Фред. Ведь это про их отцов рассказал старый моряк. Крикнул тоже самое и Сеня. Ведь и его отец погиб там же, в окопах, на бульваре, может быть, рядом с англичанином и французом.

Тогда из-за стола, где сидели старые моряки, защитники города, поднялись двое незнакомцев. Один из них сказал что-то на незнакомом языке, а Фред перевел всему залу:

— Он говорит, что служит на одном из иностранных пароходов, которые стоят сейчас в гавани. Он клянется, что не пойдет воевать против СССР, что здесь его настоящая родина, а не во Франции, где царствуют буржуи.

Тут начал говорить второй незнакомец, и Джони перевел:

— Он тоже с иностранного парохода, который привез нам машины. Рабочие завода, которые делали эти машины, велели сказать русским товарищам, что встанут на защиту СССР, если ихние буржуи вздумают об'явить нам войну.

Из клуба вышли все вместе, и моряки, и ребята, и иностранные товарищи. На повороте бульвара старый моряк, друг Перкинса и Гарди, остановился и сказал:

— Вот здесь были наши окопы. Вот здесь они погибли и многие вместе с ними.

Он снял кепку, сняли и все остальные и запели похоронный марш. В гавани было тихо, потому что работы кончились, только дальние пароходные гудки словно кричали:

„Мы слышим, мы слышим и расскажем обо всем, там, за границей!"

В. Гавриков.

Ребячья коммуна

Не велика хата,
Живут в ней сознательные
ребята.

За домом огород
Вскопал Федот.

Перед домом сад,
Разбил Панкрат.

На полочке у Вассы
Книжка сберкассы.

В чуланчике Лиля
Устроила склад утиля.

Обращаются к Оле
Отстающие в школе.

Билеты Осоавиахима
Продает Дима.

Пионерка Ада —
Вожатый отряда.

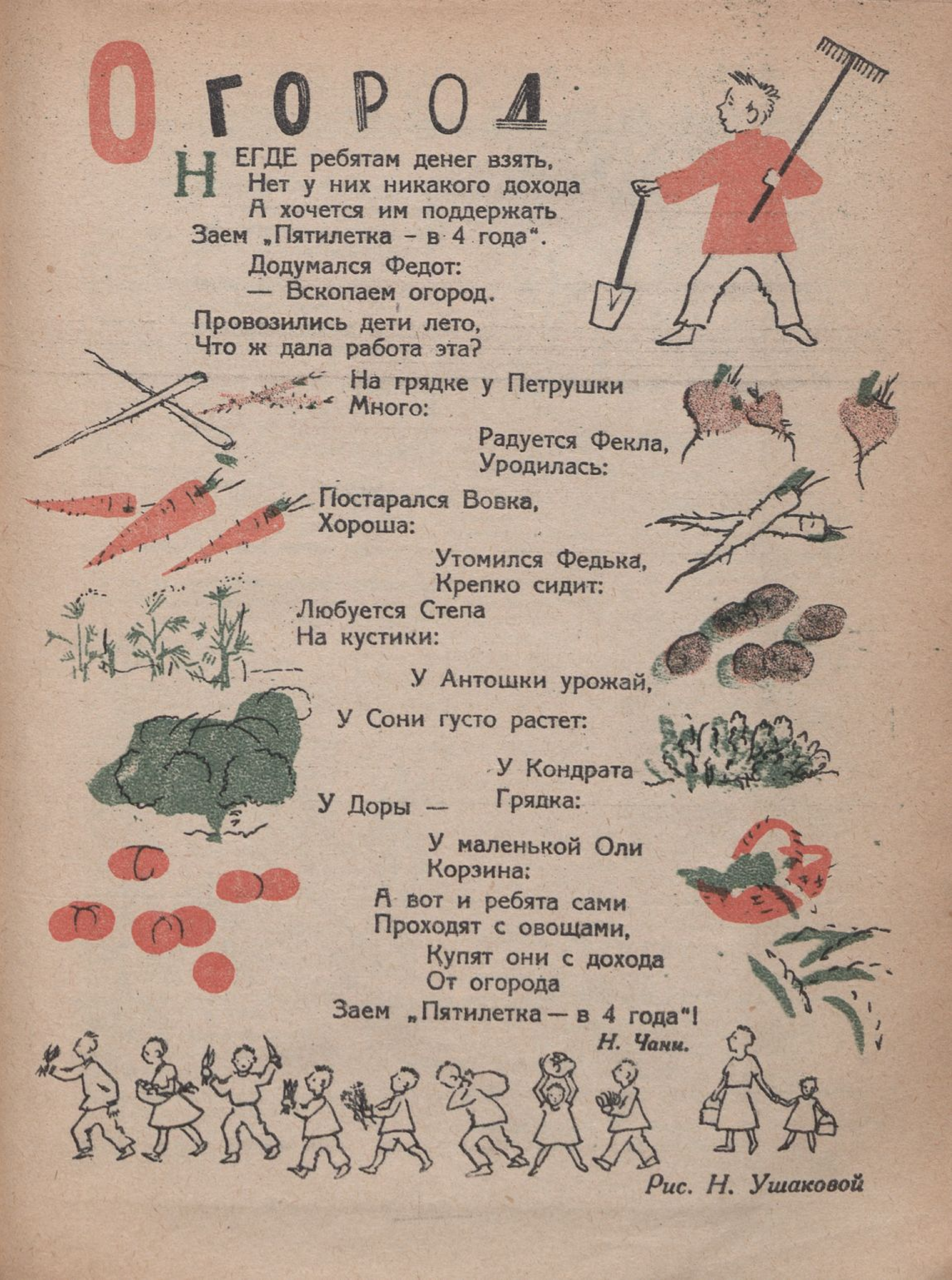
Не сходит с трактора Дунька,
Попробуй: сдунь-ка!..

И Евсей и Леонид —
Каждый в МОПР'е состоит.

А вот все они тут как тут,
Ребята, что в хате живут.

Н. Чани

Рис. Н. Ушаковой

ОГОРОД

НЕГДЕ ребятам денег взять,
Нет у них никакого дохода
А хочется им поддержать
Заем „Пятилетка – в 4 года".

Додумался Федот:
— Вскопаем огород.

Провозились дети лето,
Что ж дала работа эта?

На грядке у Петрушки
Много:

Радуется Фекла,
Уродилась:

Постарался Вовка,
Хороша:

Утомился Федька,
Крепко сидит:

Любуется Степа
На кустики:

У Антошки урожай,

У Сони густо растет:

У Кондрата
Грядка:

У Доры —

У маленькой Оли
Корзина:

А вот и ребята сами
Проходят с овощами,
Купят они с дохода
От огорода
Заем „Пятилетка — в 4 года"!

Н. Чани.

Рис. Н. Ушаковой

Заходили пилы —
Лесные крокодилы.
Заплясали топоры, —
Белы щепки прыг да прыг.

Покатился дальний гром, —
Дерево упало лбом.
Воздух стал смолистей,
Заморгали листья.

Пилят, рубят плотники
От работы потные.
И рубанки дружно
Завивают стружки.

И опилки сыплются
Белую мучицею.
Муравьи быстрей ползут,
Комары звончей поют.

Смотрит елка тихая
Голубой ежихою.
Паутина слабая,
Как гамак для бабочек.

И как рыба золотая,
Тихо солнце выплывает...

Николай Берендгоф.

ЗА ШИШКАМИ

Рис. И. Розанова

Раз в бору мальчишки
Собирали шишки,
Шишечки еловые,
Сосновые,
Посуше.
А лес-то глуше, глуше;
А от сосен-то звон
Со всех сторон:
Дон, дон!
Вот в мешки мальчишки
Понабрали шишки.
Те мешки холщевые,
Дешевые
Дерюжки,
Не стоят ни полушки.
Набили — страх!
А мешки-то — крах!
Стой, держи,
Бечевкой вяжи, —
Ах, ах!

Насимович.

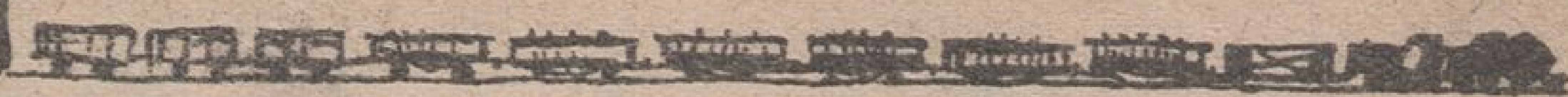
ЦАПЛЯ НА ОХОТЕ

Без нужды и без заботы
Ходит цапля по болоту,
Не боясь глубоких мест,
Рыбку выловит и с'ест.

Дм. Климов.

МУРЗИЛКИНА ПОЧТА

ПОМОГАЕМ НАШЕЙ СТРАНЕ

Мы, ученики опытно-показательной школы, 4 класса, дополнительно подписались на заем на 32 рубля.

Абрам Казакевич.

Тверь.

Мы, дети детского сада при Кунмза, собрали деньги на дирижабль «Клим Ворошилов» в сумме 37 руб. 80 коп. и вызываем последовать нашему примеру детский сад № 16 БОНО.

Дети детсада при Кунмза.

Я и мой брат Кова купили заем на 10 руб. Вызываем всех подписчиков «Мурзилки» последовать нашему примеру.

Этим мы поможем выполнить пятилетку в 4 года.

Говина Туея, 8 лет.

М. Богушевское.

ОТВЕЧАЮ ТАМАРЕ

Как только мне мама прочла, что деньги можно беречь на сберегательной книжке, я сразу, не отставая, просила дать мне денег, чтобы мама могла хранить их на почте и купить себе облигацию. Мама пошла и положила рубль. Теперь у меня есть книжка.

Валя Сабурова, 7 лет.

Я хожу в детский сад. В день Красной армии мы подарили красноармейцам подарки: книги, карандаши, блок-ноты. В детсаду все ребята — ударники. Все вступили в МОПР. Купили облигацию на 25 рублей, внесли на дирижабль 6 рублей.

Мила Зубарева, 5 лет.

Гор. Свободный, Дальне-Восточный кр., детсад Горпо.

Я и моя сестра подписались на заем 3-го, решающего года пятилетки на 10 рублей и вызываем Тому и Люсю Ястребовых, Нели и Эдика Гейнцельман из Гороховец и Вову Бабина из Пазлова.

Сержик и Валя Соколовы.

Город Горбатов.

*

Вызов на сбережения принимаю. Я имею облигации «Пятилетка в 4 года» на 200 рублей, которые приобретены следующим образом: с первого дня моего рождения мой папа дает мне по одному рублю в получку, то-есть два рубля в месяц. Из этих денег по мере накопления приобретались облигации второго займа индустриализации, которые теперь обменены на «Пятилетку в четыре года».

Вызываю всех подписчиков «Мурзилки» последовать моему примеру и примеру моего папы. Облигации имею за №№ 8600 — 25 р., 19002 — 25 руб., 25352 — 50 р., 25363 — 50 р., 25361 — 50 р.

Нина Архапова,

ученица 4-й школы, 1-й группы.

Станица Нижне-Чирская, Сталинградского окр.

В жакте № 1015, д. № 6, по Арсентьевскому пер. Ленинского района, Москва, после проведения общего собрания жильцов наряду с домашними хозяйками первым подписался на заем 3-го, решающего года пятилетки на 10 руб. 8-летний школьник Витя Якушин и вызвал на соревнование всех детей дома. Вызов его приняли дети: Женя Бойничкин, Тася Емельянова, Стрельцов Боря и Нина Якушина, которые подписались на 65 руб.

Друзья и читатели „Мурзилки" при жакте № 1015.

Москва.

В САНАТОРИЙ „ПОДСНЕЖНИК"

Пишу девочкам в санаторий «Подснежник». Я очень рада с вами переписываться. Я живу на Сясьстрое, Ленинградского окр., давно хотела с кем-нибудь переписываться. Я болею костным туберкулезом позвоночника. Я скоро поеду в Ленинград лечиться в Лесную лечебницу, в которой лечат туберкулезных детей. Мне десять лет. Я в школу не хожу, а мама меня выучила читать и писать. Теперь я умею писать письма в «Мурзилку». Девочки, я буду очень и очень рада, если вы мне напишите ответ в «Мурзилкиной почте».

Катя Жабрунова, 10 лет.

Сясьстрой.

ПРОТЕСТ

Мы, читатели „Мурзилки", протестуем против казни на электрическом стуле 8 революционеров-негров. Злые американские буржуи не щадят даже детей рабочих. В ответ на казнь негров вступим все в ряды юных друзей МОПР.

Вызываем на протест всех читателей „Мурзилки".

Люций Остроумов, 9 лет, *Вова Реванов, Макарова, Хапов, Щипоно.*

КРАСНАЯ ДОСКА

Детсад № 21 Москвы—6 р. 86 к.; 11-я трудшкола 1-я гр. „Б“ и „В“ г. Зиновьевска—5 р. 70 к. и вызывают все первые группы „Б“ и „В“ г. Зиновьевска; детдом коммуны „Искра“ Лузянск. сельсовета—5 р.; деточаг № 3 Ленинграда—7 р. и вызыв. ленинский очаг и омский очаг № 5; детсад № 4 Москвы—14 р. 95 к.; Высовский детсад, п/о В.-Некрасино—4 р. 34 к.; Ветлужский детсад, г. Ветлуга,— 8 р. и выз. на соревнование по сбору на тракторную колонну детсад картонной ф-ки; Климчук П.— 3 р., уч-ки 1-й гр. Моссоловской шк.—2 р. 50 к.; Лангфанг Женя—3 р. 25 к.; детсад № 7 ст. Верещагино —14 р. 60 к.; детплощадка райобпома г. Кустанай—13 р. 55 к. и выз. все детплощадки СССР; детсад № 2, Торопец,—2 р.; Юхновская шк. I ст.— 1 р. 50 к.; Гороковская М.—3 р.

ЗАГАДОЧНЫЕ КАРТИНКИ

Где красноармеец?

Куда спрятался октябренок?

Издание „Рабочей газеты“. Ответств. редактор В. ФИЛОВ

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „МУРЗИЛКА"
„КОЛХОЗ и ЕДИНОЛИЧНИК." ЗА 1931 ГОД.

ВЗНОСЫ НА ТРАКТОРНУЮ КОЛОННУ им. „МУРЗИЛКИ“ И „ОГОНЬКОВ“

РЕБЯТА! ШЛИТЕ ДЕНЬГИ НА ТРАКТОРНУЮ КОЛОННУ. ДЕНЬГИ ПЕРЕСЫЛАЙТЕ ТОЛЬКО ПЕРЕВОДАМИ ЧЕРЕЗ ПОЧТОВЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 48, ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“, НА ТРАКТОРНУЮ КОЛОННУ имени „МУРЗИЛКИ“ и „ОГОНЬКОВ“.

ВСЕГО ДО 15 ИЮНЯ 1931 ГОДА ВНЕСЕНО 1.737 РУБ. 70 КОП. и 15 ИЕН (ЯПОНСКИХ)

ВНОСЯТ И ВЫЗЫВАЮТ ВНОВЬ:

Цыпленковы Вова и Хена – 2 р.; Балахин Игорь—1 р.; Красильников Мила—1 р. и вызывает всех подписч. „Мурз.“ Надвойцы, Мур. ж.-д.; Разаев Женя—20 к. и выз. всех ребят, решивших задачу на премию; Чижов Петя—2 р. и вызывает Вову и Лелю Чиж; Дубровская и Алексеевская—1 руб.

Всего 102 р. 45 к., а с прежде поступившими—1.840 р. 15 к.

НА ДИРИЖАБЛИ „КЛИМ ВОРОШИЛОВ“ и „ПРАВДА“

ВНОСЯТ И ВЫЗЫВАЮТ:

Степанова Зоя—4 р.; Соколов Витя—1 р. и выз. ребят, подписч. „Мурз.“; Желтовы Ая и Юра—4 р. и вызывают Кутигиных Колю, Толю, тетю Наташу, Шехматовых Валю и Борю и Марию Васильевну, Шерстнева Володю, тетю Грушу (Мелекес); детсад „Малыш“—5 р. 06 к.; Крамчаников Н.—50 к.; детсад ДКА—7 р. и вызыв. другие детсады последовать их примеру.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

НЕ ЗАБУДЬТЕ

что подписка на „Мурзилку“ и „Огоньки“ принимается почтой только до определенного срока: в Москве—до 27-го числа перед подписным месяцем, в провинции—до сроков, установленных местной почтой. Подписка, сданная после определенных сроков, будет исполняться только на следующий месяц.

Уполномоченный Главлита № В—6296. Тип. „Рабочей газеты“, Москва, Сущев. вал, 49. Зак. № 909. Тир. 310.000

Цена отдельного № (с приложен.) 30 коп.

МУРЗИЛКИНА ВЫСТАВКА КАРТИН

